

В древности испытание каплей крови считалось одним из самых надежных способов подтвердить родство. Однако сегодня известно: если у людей совпадает группа крови, их кровь смешается, даже если они совершенно чужие друг другу.

Существовал в те времена и другой метод — окроплять кровью кости усопшего, дабы установить его связь с живыми. Вот только поговаривали, что ежели несчастный погибал от смертоносного яда или его тело после кончины выдерживали над паром с особыми травами, свойства костей менялись. И тогда в них могла впитаться чья угодно кровь.

Словом, с точки зрения современного человека, все эти испытания кровью и костями лишены малейшего научного смысла, зато открывают бескрайний простор для мошенничества и подлогов.

Разумеется, не смешалась сейчас кровь в чаше, и Бай Энью не видать звания императорского сына как своих ушей, а ложь благородной супруги Ши повлекла бы за собой неминуемую казнь. Бай Цзюнь и его супруга, госпожа Ван, разделившие этот обман, обрекли бы на плаху весь свой род. Что же до могущественного клана Ши, то здесь даже заступничество вдовствующей императрицы едва ли смягчило бы гнев повелителя.

Но больше всего Хан Сиэнь забавляло другое: благородная супруга Ши искренне, без тени сомнения верила, что Бай Энь — действительно её родной сын.

Пока Хан Сиэнь предавался этим мыслям, император, услышав предложение вдовствующей императрицы, едва заметно нахмурился. Он бросил на благородную супругу Ши короткий, лишенный тепла взгляд и со странной усмешкой кивнул, соглашаясь на проверку.

О самом подсыпанном зелье, о котором говорила благородная супруга, государь не помнил решительно ничего. Однако минувшую ночь он провел без сна, размышляя в своих покоях. После безвременной кончины Ван Ина он долго не мог прийти в себя. В те беспросветные дни ему без конца грезился покойный возлюбленный, и сны те были полны безумной, исступленной страсти.

"А что, если те видения были лишь следствием яда?"

В этот момент вдовствующая императрица велела своей служанке принести чашу с чистой водой. На лоб государя вновь набежала тень. Евнух Юань Бао поспешил забрать чашу из рук служанки, но неловко оступился и толкнул девушку. Вода расплескалась по полу.

Юань Бао тут же рухнул на колени, моля о пощаде. Император лишь раздраженно хмыкнул и велел ему не тянуть время, а поскорее принести новую чашу.

Вернувшись с чистой водой, евнух приблизился к Бай Энью.

— Простите за дерзость, — тихо шепнул он.

С этими словами он мигом выхватил крошечный нож, полоснул юношу по среднему пальцу и выдавил каплю крови в воду.

Бережно удерживая чашу, Юань Бао вопросительно взглянул на повелителя. Тот безразлично скользнул взором по багровой капле, покачивающейся на дне, и неторопливо протянул руку. Острый металл коснулся царской кожи, и вторая капля упала в воду.

Затаив дыхание, все присутствующие, кроме безучастного Хан Сиэня, впились глазами в воду. Две алые капли покачались на поверхности, лениво закружились и медленно слились воедино.

Вдовствующая императрица стремительно поднялась со своего места, не скрывая торжества.

— Кровь... — выдохнула она. — Кровь соединилась!

Император молча созерцал единое багровое пятно в воде. Лицо его оставалось непроницаемым.

В тронном зале повисла звенящая тишина. Лица присутствующих отражали целую бурю чувств. Вдруг это безмолвие нарушил сухой, нарочитый кашель. Взоры устремились на Хан Сиэня. Юноша почтительно поклонился императору.

— Ваше Величество, раз благородная супруга утверждает, что этот юноша — плод вашей совместной любви, не сочтите за дерзость предложить и ей пролить кровь для проверки, — негромко произнес он.

Чувства императора к новоявленному отпрыску были слишком запутанными, и в них точно не было отцовской радости. Предложение Хан Сиэня показалось ему на удивление дельным, и государь инстинктивно кивнул.

Возражения вдовствующей императрицы и властное согласие императора прозвучали почти одновременно.

— Что означают твои слова, наследник Хань? — недовольно нахмурилась вдовствующая императрица.

Придворные поспешили склонить головы, стараясь казаться невидимыми, а Хан Сиэнь, проигнорировав гнев старой владычицы, прямо обратился к евнуху:

— Евнух Юань, раз уж государь дозволил, похлопочите еще раз.

Юань Бао на мгновение растерялся и украдкой взглянул на императора. Заметив одобряющий кивок государя, он поспешно велел принести новую чашу с чистой водой. Снова уколол палец Бай Эня и уронив багровую каплю на дно, евнух приблизился к благородной супруге Ши.

— Простите за дерзость, благородная супруга, — прошептал он.

Та послушно протянула руку. Острое лезвие рассекло нежную кожу, и капля крови благородной супруги скользнула в чашу.

Юань Бао заворожено наблюдал за тем, как две капли медленно плывут навстречу друг другу, готовые слиться. Но тут к нему бесшумно приблизился Хан Сиэнь. Прежде чем кто-то успел его остановить, он перехватил ритуальный нож из рук опешившего евнуха, хладнокровно полоснул себя по пальцу и уронил третью каплю крови прямо в ту же воду.

Всё произошло настолько стремительно, что присутствующие даже не успели опомниться. Лишь когда стальной нож с тихим звоном покатился по каменным плитам пола, до свидетелей этой сцены дошел весь безумный смысл случившегося.

Придворные онемели от изумления, во все глаза глядя на дерзкого юношу. Лишь инструктор императорской гвардии Бай Шу сердито нахмурился, не сводя встревоженного и недовольного взгляда с порезанного пальца Хан Сиэня.

Вдовствующая императрица в ярости поднялась, судорожно сжав пальцы в кулаки.

— Хан Сиэнь, да как ты смеешь... — задыхнулась она от гнева.

Договорить ей было не суждено. Из уст Юань Бао вырвался приглушенный, полный ужаса возглас:

— Соединились! Кровь соединилась!

Император, не сводивший с Хан Сиэня подозрительного взгляда с самой первой секунды его выходки, уловил в голосе старого слуги неподдельное потрясение. Юань Бао прослужил во дворе десятки лет, повидал немало чудес и заговоров, и заставить его потерять лицо могла лишь сущая чертовщина. Очевидно, с содержимым чаши стряслось нечто невообразимое.

— Чья еще кровь смешалась? — холодно оборвал его государь. — Что за глупый переполох?

Евнух медленно повернул бледное лицо к повелителю. Глаза его были круглыми от страха, словно он узрел выходца с того света:

— Ваше Величество... Все три капли... Они слились в одну!

— Что ты сказал?! — воскликнул пораженный император.

Поначалу, глядя на испуганного слугу, он решил, что кровь Хан Сиэня смешалась с кровью благородной супруги Ши. Но чтобы слились воедино все три капли — это выходило за рамки любого здравого смысла. Поднявшись с трона, владыка властно указал на чашу:

— Невероятно! Немедля неси сюда, я желаю видеть это лично!

— Быть не может! — пробормотала благородная супруга Ши, растерянно поднимаясь на ноги и не сводя ошеломленного взгляда с рук евнуха.

Сам Юань Бао тоже едва верил собственным глазам. Лишь многолетняя придворная выучка не позволила ему от страха выпустить драгоценный сосуд из дрожащих пальцев.

Император долго всматривался в чашу, где покачивалось единое, безраздельное багровое пятно. Наконец он поднял тяжелый взгляд на Хан Сиэня:

— Растолкуй мне, наследник Хань. Что это означает?

Все присутствующие замерли в ожидании ответа. Благородная супруга Ши смотрела на юношу со смесью ужаса и упрямого недоверия.

Стерев с лица малейший намек на издевку, Хан Сиэнь смиренно опустил взор на валяющийся у ног окровавленный нож и заговорил небрежно, словно рассказывал о погоде:

— Признаться, Ваше Величество, едва лишь вдовствующая императрица упомянула испытание кровью, мне припомнилась забавная история, случившаяся во время моей поездки на юг, в Цзяннань. Один тамошний богач заподозрил, что его наложница согрешила со слугой, и рожденное дитя — вовсе не его плоть. Желая докопаться до истины, он велел смешать в чаше кровь мальчика и того самого слуги. Разумеется, капли слились. Однако наложница оказалась женщиной гордой и строптивой. Посчитав себя незаслуженно оскорбленной, она не стала лить слезы, а улучила миг, когда ревнивый господин отвлекся, схватила иглу и уколола его самого. Каково же было изумление очевидцев, когда кровь всех троих беспрепятственно соединилась в воде! В итоге никто так и не смог разобраться, кто кому приходится родственником. Мне этот случай показался весьма поучительным, и я дерзнул повторить его здесь. Кто бы мог подумать, что подобные чудеса природы случаются не только в далеких южных краях.

Слова юноши повергли присутствующих в глубокое замешательство — слишком уж неуместно звучал этот рассказ в императорских покоях. Однако государь пристально вгляделся в лицо Хан Сиэня, затем вновь перевел взгляд на чашу. Чувства, овладевшие его сердцем, трудно было назвать приятными — в них сквозило мрачное изумление.

При всей нелепости оправданий благородной супруги Ши, император в глубине души полагал, что она не посмеет лгать о рождении бастарда. Но доверия не было ни к ней, ни к вдовствующей императрице. Само испытание кровью государь затеял лишь ради того, чтобы выведать, какую игру ведут эти женщины. Даже подтвердись родство, он ни за что не позволил бы внести безродного юношу в императорские родословные книги.

Кто бы мог подумать, что дерзкая выходка Хан Сиэня разом разрубит этот гордиев узел, выставив древнее таинство на посмешище и избавив трон от двусмысленного положения.

Теперь даже глупцу было ясно: испытание кровью — чистой воды фарс. Однако о том, где именно крылся подвох, придворные благоразумно помалкивали.

Для Юань Бао, стоявшего у самого жерла назревающей бури, потрясение от слившихся капель быстро сменилось леденящим ужасом за собственную жизнь. Поняв, что вся вина падет на него, он рухнул ниц. Его лоб со стуком бился об каменные плиты, а из горла вырвался отчаянный, прерывистый хрип:

— Ваше Величество! Пощадите! Клянусь предками, верный раб чист перед вами! Это не моих рук дело, вовек бы не осмелился!

Евнух исходил безмолвными слезами от несправедливости судьбы. Заметив тень сомнения на лице государя, когда служанка вдовствующей императрицы внесла чашу, он умышленно толкнул ее, чтобы избавиться от подозрительной воды. И надо же было случиться такому несчастью! Знай он наперед, что молодой господин Хань выкинет подобный фокус, и пальцем бы не пошевелил. Теперь же оправдаться было решительно невозможно.

К счастью, государь слишком хорошо знал своего старого преданного слугу, чтобы заподозрить его в столь топорном заговоре. Он нахмурился, глядя на разбитый в кровь лоб евнуха, и бросил:

— Довольно. Если в ходе дознания выяснится, что ты причастен к этому святотатству, я лично прикажу содрать с тебя шкуру. А теперь встань.

Затем правитель вновь устремил ледяной взор на Хан Сиэня:

— Ну а теперь ты, Хан Сиэнь. Объясни мне без уверток: что здесь произошло?

Хан Сиэнь остался невозмутим:

— Ваше Величество, ответ кроется в той самой цзяннаньской притче. Слияние трех совершенно разных кровей — немыслимая нелепость. Значит, кто-то прибег к хитрости. И если умысел исходил не от людей, то разгадка кроется либо в воде, либо в самом сосуде.

С этими словами он красноречиво скользнул взглядом по фарфоровой пиале, стоявшей на

столе государя. Воду Юань Бао сменил, но сам сосуд остался прежним. Нанести на его края особое вещество — дело нехитрое. Впрочем, Хан Сиэнь не собирался озвучивать свои догадки вслух: императорские ищейки без труда разберутся, какие тайны хранит эта изящная глина.

Вслед за его намеком император опустил глаза к чаше, а затем медленно, с тяжелым предчувствием, повернул голову в сторону своей царственной матери. В то же мгновение десятки испуганных, безмолвных взоров устремились на вдовствующую императрицу.

Ведь именно она настояла на испытании кровью, и именно её доверенная служанка принесла злополучную чашу. Теперь, когда обман раскрылся столь постыдным образом, тень подозрения пала прямоком на старую владычицу.

Несмотря на тяжелый, обвиняющий взгляд сына, вдовствующая императрица не потеряла самообладания. Лишь в глубине ее глаз промелькнула горькая печаль:

— Неужели император полагает, будто собственная мать опустилась до столь гнусного подлога? — тихо, но отчетливо произнесла она. — Скажи мне, сын мой, во имя чего мне совершать подобное безумие? Осквернение священной крови правящей династии — тягчайший грех перед предками. Какую выгоду могла бы извлечь из этого старая женщина?

Ее тихие, исполненные скорби вопросы заставили государя замяться. Разум его лихорадочно искал мотивы. И в самом деле, зачем матери марать руки в столь опасном деле? Какую корысть она преследует?

Вдовствующая императрица медленно перевела взгляд с колеблющегося правителя на окаменевшую от страха наложницу:

— А что скажешь ты, благородная супруга?

Благородная супруга Ши все еще пребывала в оцепенении. Услышав обращенные к ней слова, она подняла растерянный взор на вдовствующую императрицу, совершенно не понимая, куда клонится разговор.

Вдовствующая императрица сокрушенно вздохнула:

— Видит небо, в случившемся есть и моя доля вины. В те годы я поддалась твоим слезам и мольбам, видя, как иссыхает от горя твое материнское сердце, и малодушно помогла скрыть грех. Когда ты понесла, но до ужаса испугалась, что государь отвергнет дитя, я совершила оплошность — дозволила отдать младенца на воспитание в чужую семью.

Вдовствующая императрица покачала головой, и в ее голосе прорезались суровые, властные ноты:

— Взгляни на юношу! Сходство его с императором очевидно любому, у кого есть глаза. Зачем же тебе понадобилось прибегать к столь постыдным хитростям и подливать снадобье в воду? Неужто ты столь мало верила в милость своего повелителя?

Эти слова прозвучали подобно грому среди ясного неба. Всем присутствующим стало ясно: вдовствующая императрица без тени колебания принесла свою союзницу в жертву, переложив всю вину за подлог на плечи благородной супруги.

Несколько мгновений несчастная женщина растерянно переводила взгляд со вдовствующей императрицы на хмурого государя. Когда же страшный смысл предательства наконец дошел до ее сознания, она сдавленно вскрикнула и пала на колени, неистово бясь лбом о плиты пола:

— Ваше Величество! Пощадите! Каждое мое слово — чистейшая правда! Клянусь, я понятия не имею, кто отравил воду! Государь, умоляю, не верьте наветам, пощадите!

Среди рыданий и криков вновь раздался спокойный, леденящий душу голос Хан Сиэня:

— Ваше Величество, у вашего покорного слуги все же осталось несколько неразрешенных сомнений.

Император посмотрел на юношу. На его лице не отразилось ни единой эмоции. Он медленно опустил обратно на трон и принялся лениво постукивать пальцами по лакированному дереву. Этот негромкий, мерный стук отдавался в замершем зале подобно ударам поминального колокола, нагнетая невыносимую, удушливую тишину.

Наконец государь прервал молчание:

— Что ж, раз у наследника Хань возникли вопросы, пусть говорит. Я внимательно слушаю. Да и матушке, полагаю, будет небезынтересно узнать твои мысли.

Хан Сиэнь пропустил лед в императорском голосе мимо ушей. Он вновь вежливо склонил голову и, бросив равнодушный взгляд на плачущую благородную супругу Ши, заговорил неторопливо и веско:

— Ваше Величество, сомнения вдовствующей императрицы весьма справедливы, они во многом сходны с моими собственными. Если Бай Энь и впрямь приходится родным сыном благородной супруге, ради чего ей было прибегать к обману и подстраивать результаты испытания?

— Но меня занимает и другой, куда более любопытный вопрос. Эта тайна свято хранилась долгие годы. Отчего же благородная супруга Ши столь внезапно решила явиться к государю с повинной и раскрыть существование бастарда? Осмелюсь предположить: быть может, до нее дошли некие секретные сведения, заставившие ее поверить, будто отношение Вашего Величества к этому юноше изменилось в лучшую сторону?

При этих словах несчастный Юань Бао вновь со всего маху прижался лбом к полу. Сердце его ушло в пятки: видит небо, он не выдал ни единого помысла государя посторонним ушам!

<http://bllate.org/book/20088/2002060>